

T-34

**ПАМЯТНИК
forever**

Эдуард Веркин

Эдуард Николаевич Веркин «Т-34». Памятник forever

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=168490

«Т-34». Памятник forever : [повесть] / Эдуард Верки: Эксмо; Москва;

2021

ISBN 978-5-04-122299-4

Аннотация

Есть множество способов хорошо провести майские праздники. Но интересное времяпрепровождение закадычных друзей Витьки и Генки грозит накрыться... танком. В прямом смысле танком – зелёным таким, обшарпанным, на постаменте.

Витька и Генка, конечно же, социально активные товарищи, но восстановление танка всё же немного превышает возможности обычных школьников. Или необычных? Если из двоих друзей один мечтатель, а второй изобретатель – то справятся со всем! Пусть и с приключениями...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	27
Глава 4	36
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Эдуард Веркин «Т-34». Памятник forever

© Веркин Э., 2021

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

Глава 1

О пользе чистой совести

Витька заглянул в кабинет литературы. Класс пребывал во взорванном состоянии: обсуждалось, как провести праздничные дни. Одна половина планировала поход на природу и ссорилась, куда именно надо идти, на реку или в лес. Другая половина собиралась ехать на экскурсию по Золотому кольцу и спорила, на чём лучше ехать – на автобусе или на теплоходе. И походники, и экскурсанты обзывались, кидались мелом, жвачкой, скомканной бумагой, расстреливали друг друга из водяных пистолетов и вообще бесчинствовали по полной программе, разве что стульями не бросались.

Учебный год почти закончился, на носу майские праздники, настроение у всех было раздолбайское и весёлое, классики литературы взирали со стен на беспечных потомков с суровым неодобрением.

Генка и Жмуркин сидели на парте у стены. Во всеобщей радостной суете они участия не принимали. Генку ни в поход, ни на экскурсию не брали – у него, как обычно, наметились серьёзные отставания по литературе, и все предстоящие праздники Генка должен был готовиться эти отставания ликвидировать.

Отставание образовалось так. Учительница по литерату-

ре задала к очередному занятию выучить стихотворение на свободную тему и прочитав его с выражением. Витька выучил что-то из Есенина, Жмуркин нашёл в Интернете стих современного поэта про жарку куриц, Генка сразу ничего не нашёл. А ему очень хотелось показаться оригинальным и интересным, ему надо было поразить учительницу, получить пятёрку. И Генка принялся перебирать старые газеты, которых дома на антресолях скопилось множество, и в одной газете за тысяча девятьсот сорок седьмой год обнаружил очень хорошее, как ему показалось, стихотворение. В нём рассказывалось про коварных вредителей, про то, как их разоблачали доблестные чекисты, и про то, как потом эти вредители под присмотром весёлых чекистов строили крайне нужную стране северную железнодорожную магистраль.

Кто такие вредители, Генка представлял себе смутно, они у Генки ассоциировались с колорадскими жуками и плодояжками. Автор же стихотворения не пожалел для описания вредителей чёрной краски, так что Генка проникся к ним искренней нелюбовью, а к чекистам, наоборот, чувствительной приязнью. И, разучивая стихотворение, о вредителях он говорил с обличительным презрением, о чекистах же с искренним уважением.

Генка работал над стихотворением четыре дня. И вот пришёл час X. Генка был восьмым в журнале, он вышел к доске, принял позу Маяковского и с выражением прочитал свой стих про северную магистраль.

Генка закончил чтение, и в классе повисла тишина. Затем учительница в слезах выбежала из класса, вернулась уже с директором. Она восприняла Генкин стих как вызов. Как оказалось, её дедушка как раз был таким вредителем и строил ту самую магистраль и за ним присматривали те самые весёлые чекисты, о которых с таким вдохновением прочитал Генка. Потом дедушку, конечно, реабилитировали, но о своей «северной командировке» и жизнерадостных чекистах он вспоминал с большим неудовольствием.

Директор посмотрел на Генку с осуждением и сказал, что у него имеются серьёзные пробелы в воспитании. А чтобы другим школьникам неповадно было иметь такие пробелы, Генке надо поставить «два».

И Генке вlepили пару.

Пострадав за отсутствие исторической памяти, гордый Генка пропустил три урока литературы подряд. И теперь как хвостист и отстающий был лишён всех первомайских радостей.

Жмуркин же и сам не собирался никуда идти и уж тем более ехать. Морозиться и кормить голодных весенних комаров в походе ему не хотелось, таскаться по серым просторам Золотого кольца тем более. Жмуркин собирался посвятить выходные самосовершенствованию и выработыванию планов на жизнь. К тому же он хотел немного подхалтурить в кинотеатре. Кроме того, у Жмуркина вызревала очередная интересная коммерческая идея, способная принести быст-

рые деньги.

Поэтому ни Генка, ни Жмуркин в обсуждении участия не принимали. Жмуркин со скучающим видом дрессировал редкого майского жука – черномора, Генка читал мотоциклетный журнал и выписывал в блокнот цены на подержанные иномарки.

Витька подошёл к друзьям и устроился на соседней парте.

– Ты по «кольцу» едешь? – вместо приветствия спросил Генка.

Витьке, конечно, хотелось и в поход, и на Золотое кольцо, но бросить друга Генку он не мог.

– Не, – зевнул Витька. – Не еду. Лень...

– Вот и правильно. – Жмуркин убрал жука в спичечный коробок. – Нечего без толку родительские денежки тратить. Пользы в этом никакой, одни растраты.

– Жмуркин, ничего ты не понимаешь, – сказал Витька. – Это ведь очень интересно – проехать по Золотому кольцу! Когда ты ещё сможешь?

– Это ты, Витька, ничего не понимаешь. Если у меня будут бабульки, я смогу проехать по Золотому кольцу, по Зеленому кольцу, по Серо-буро-малиновому кольцу! Куда захочу, хоть в Новую Каледонию! А для этого нужны рубли! Деньги – деньги – деньги!

– У тебя же вроде есть деньги, Жмуркин, – вмешался Генка. – Куда тебе ещё?

– А меня интересуют все деньги, какие можно взять в

окрестностях. Потому что только деньги...

– Жмуркин, меня от тебя уже тошнит! – Витька даже отвернулся. – Всегда одно и то же...

Дверь открылась, и в кабинет вошла Анна Капитоновна, классная руководительница.

Класс затих.

– Ну, и куда вы решили отправиться? – с ходу спросила Анна Капитоновна.

Анна Капитоновна была молодым педагогом, в прошлом году она окончила институт и ещё горела педагогическим рвением. Она водила класс в кино, музеи, на выставку восковых уродов и выдающихся личностей, на выставку голограммы, в детское молочное кафе «Бабай». На зимних каникулах Анна Капитоновна возила класс в Москву на Красную площадь. На весенних – в Суздаль пить сбитень. На майские праздники Анна Капитоновна предложила два варианта: либо в поход на Волгу на три дня, либо на экскурсию по Золотому кольцу, тоже на три дня. Класс должен был решить, куда и как именно ехать, но, конечно, ничего толком не решил.

– Так куда едем? – снова спросила классная руководительница.

– Хотим в поход! – заревела одна часть.

– Хотим по «кольцу»! – заревела вторая часть.

– Давайте решать, – Анна Капитоновна достала из сумочки монету. – Если пятёрка выпадет, то идём в поход, если орёл – то едем по Золотому кольцу.

– А если в воздухе зависнет? – ехидно спросил Жмуркин.

– А если она зависнет в воздухе, то вам, господин Жмуркин, я поставлю пять в полугодии, – ответила Анна Капитоновна.

Класс загоготал. Жмуркин, человек с бронированным самолюбием, никакого внимания на это не обратил.

Анна Капитоновна достала из сумочки пятак, подкинула, поймала. Заглянула в ладонь.

– Итак, – Анна Капитоновна сделала паузу, – мы едем по Золотому кольцу!

Класс, несмотря на бывшие разногласия, радостно заверещал.

– Но перед этим у меня к вам серьёзный разговор.

Класс настороженно затих.

– Все мы знаем, что скоро, меньше чем через десять дней, праздник Великой Победы.

Класс промычал в знак согласия.

– Вы, как подрастающее поколение и будущее нашей страны, должны быть социально активны. Отличный способ проявить свою социальную активность – помочь ветеранам.

Класс неопределённо прогудел.

– Никто не заставляет вас помогать ветеранам постоянно, – сказала Анна Капитоновна. – Хотя это было бы тоже неплохо. Но я понимаю, что у вас своя жизнь. Поэтому я предлагаю вам провести что-то вроде акции. Разбиться на группы, взять по ветерану и помочь им в чём-нибудь. Сле-

лать ремонт в квартире, прибраться во дворе, поработать на даче.

Класс промолчал.

– Это вас сильно не обременит, – продолжала Анна Капитоновна. – Всего пару дней. Зато потом вы сможете с чистой совестью глядеть в глаза старикам. Это очень полезно для здоровья – жить с чистой совестью.

Класс молчал.

– А после того, как мы поможем ветеранам, мы отправимся по Золотому кольцу.

– Ура! – заорали ребята.

– Теперь организационные вопросы. – Классная руководительница достала из портфеля толстую тетрадку.

Анна Капитоновна и ребята принялись распределять ветеранов. Витька, Генка и Жмуркин в этом участия не принимали.

– Зачем вся эта ненужная благотворительность? – рассуждал Жмуркин. – Ветеранам не школьники должны помогать, а государство. Оно должно им всё делать, а не мы. Они, в конце концов, за него воевали.

– Они и за нас, типа, тоже воевали, – тихо сказал Генка.

– Знаю, знаю! У меня оба деда на войне погибли, – надулся Жмуркин. – Они из этого города ушли на фронт, а государство моей матери даже пенсию по инвалидности не подняло.

– У меня тоже ушли, – произнёс Генка.

– И у меня, – добавил Витька. – У всех, наверное, ушли. Мне, кажется, надо помочь...

– Тут дело не в том, надо или не надо, – злился Жмуркин, – а в том, что нас всё равно заставят. Хотим мы этого или нет. Никакой демократии...

– Вот именно, Жмуркин, – сказала подошедшая Анна Капитоновна. – Никакой демократии. Хотите ли вы лично помогать или нет, но вам придётся. Насколько я понимаю, вы трое у нас дружная команда?

– Они да, – Жмуркин указал пальцем в сторону Витьки и Генки. – А я нет. Я самостоятельная и самодостаточная личность.

Генка пнул Жмуркина под партой. Жмуркин дёрнулся.

– Он с нами, – сказал Генка. – Просто придуривается.

– Тогда запишите имя и адрес ветерана. – Анна Капитоновна положила на парту тетрадь.

Витька взял ручку, но Жмуркин поглядел на него с презрением. Он достал из рюкзака маленькую цифровую камеру и сфотографировал страничку.

– Итак, – сказала Анна Капитоновна. – Теперь займёмся делом. А третьего мая соберёмся в час здесь и обсудим наше путешествие. Свободны!

Класс сорвался с парт и рванул к выходу.

Жмуркин, Генка и Витька ещё немного посидели – не хотелось толпиться в раздевалке, – затем спустились вниз, оделись и вышли из школы.

– Как ветерана хоть зовут? – спросил Генка.

– Какая разница, – махнул рукой Жмуркин. – Пойдёмте ко мне, посидим на крыше, перекусим, поглядим на просторы. Мать пиццу с утра пекла...

– Ты же сказал, что с нами не водишься, – усмехнулся Генка. – Что мы серые, убогие личности...

– Крокодайл, – Жмуркин плюнул на стену родной школы. – Оставь свою жалкую мстительность. Пицца мстительности не терпит...

Глава 2

Улица Проигравших

– Ну что, – Генка запустил самолётик, свёрнутый из обложки мотожурнала, – к ветерану сейчас пойдём?

– Нет, нет, нет! – замахал руками Жмуркин. – Никаких ветеранов. Сейчас мы пойдём на дело.

– Раз пошли на дело Витька, я и Жмуркин... – пропел Генка.

– На какое ещё дело? – спросил Витька. – Ты что, Жмуркин?

– Всё абсолютно законно, – заверил Жмуркин. – Я вчера ехал в автобусе, а впереди сидели два хорька. Они говорили, что в пригороде, там, где была деревня Игнатьево, есть место, где валом чёрных и цветных металлов. Чугун, бронза, всё, что хочешь. Местное население – тундрюки и бабки древние, ничего в цветмете не понимают. А эти два урода набрали металлолома и сдали его на пять тысяч... Место это расположено в самом конце улицы Победителей. Знаете такую?

– По телику показывали, – сказал Витька. – В «Губернском обозревателе». Там у жителей огромные долги по электричеству, всю улицу от сети отключать собираются, репортаж назывался «Улица Проигравших». Там, что ли?

– Ага. Эти типы сдали на пять тысяч...

– И что? – спросил Генка.

– Как это что? – не понял Жмуркин. – У тебя что, деньги лишние?

– Нелишние, конечно... Но не получится ли так, как всегда? Пойдём за металлоломом, а придётся со столбов провода срезать. А потом ещё удирать от кого-нибудь. Да и вообще за это по головке не погладят! Сейчас с металлоискателями борьба идёт...

– Какие провода?! – возмутился Жмуркин. – Что значит «срезать»? Ты что, думаешь, что я срезаю провода? Ну, Генка, если бы ты не был моим другом, я бы с тобой серьёзно поговорил.

Генка только рассмеялся. Витька тоже улыбнулся.

– Но так и быть, – выдохнул Жмуркин. – Живи. Живи пока.

Жмуркин бросил покровительственный взгляд на соседские крыши и похлопал по плечам Генку и Витьку.

– Вставайте, – сказал он. – Нечего расслаживаться. Идём. Отказываться от денег грех.

– Это ты откуда вычитал? – спросил Витька.

– На сайте одном. Как заработать кучу денег честным путём. Там и советы полезные, и литература разная, тоже полезная. Я времени даром не теряю, готовлюсь к будущему, в отличие от вас. И там сказано, что жить в бедности – это грех! Короче, философы! – Жмуркин подошёл к люку с кры-

ши. – Вы идёте?

– Только за рюкзаками в сарай зайдём, – сказал Генка. – Если уж ты говоришь, что там всё в свободном доступе...

Через час Витька, Генка и Жмуркин с большими походными рюкзаками за плечами вышли на улицу Победителей.

– Это в самом деле похоже на улицу Проигравших, – сказал Жмуркин. – Упадок...

– Сам нас сюда притащил! – Генка поправил рюкзак. – А теперь говоришь, что упадок...

– Ладно, фиг с ним, с упадком. Пойдёмте лучше.

Улица Победителей действительно была похожа на улицу Проигравших. Видимо, когда-то здесь был асфальт, но теперь от асфальта ничего не осталось. Поверх него лежал толстый слой перепревших опилок, сквозь опилки уже пробивался свеженький чертополох, всё это было покрыто жухлыми листьями с толстых тополей, произраставших вокруг в изобилии. Дома были все старые, в основном одноэтажные и жёлтые, такие почему-то всегда строят вдоль железнодорожных путей. Стёкла в окнах были мутными, вероятно, их не мыли для того, чтобы дневной свет половинился, проникая через них, и не раздражал глаза склонных к поздним подъёмам обитателей.

– Всё-таки почему эта улица называется улицей Победителей? – Генка глядел по сторонам. – Чего Победителей?

– Моржу понятно «чего», – объяснил Жмуркин. – Победителей Олимпийских игр. На этой улице жил Кожемякин,

чемпион по метанию молота.

– Да не слушай ты его, – сказал Витька. – Брешет он. Никаких метателей молота здесь никогда не жило. Просто улица Победителей, и всё...

– Может, – предположил Генка, – это в честь Победы в войне.

– Кривая какая-то...

– Да какая разница! – сказал Жмуркин. – Нам здесь не жить. Нам в самый конец, там у них какая-то площадь...

– Улица Победителей похожа на помойку, – указал пальцем Генка.

Под деревьями, напротив домов, возвышались величественные кучи мусора, состоящие преимущественно из пластиковых бутылок, гнилых ящиков из-под бананов и рваной бумаги.

– Оставь своё жлобство, так у нас повсеместно, – сказал Жмуркин и ступил на почерневший деревянный тротуар.

Через каждые триста метров из опилок торчали ржавые колонки, и Витька попробовал воду. Вода была чистая, только пахла железом. В лужах рядом с колонкой в изобилии водились упитанные улитки.

– Козлёночком станешь, – прокомментировал Жмуркин. Витька швырнул в Жмуркина улиткой.

Народу на улице Победителей было немного, точнее, вообще никого.

– В книжках, которые так любит читать наш Витька, обыч-

но пишут: «Улица будто вымерла...»

– Тут словно эпидемия какая случилась, – сказал Витька.

– Так и есть, – согласился Генка. – Называется «безнадёга»...

– Все на работу ушли, – пояснил Жмуркин. – Никакой мистики, никаких эпидемий. К тому же вон абориген. Вон там, у колонки.

Жмуркин показал рукой.

Возле колонки действительно стоял человек лет, наверное, пятидесяти, был он сух и жилист, из рукавов длинного пиджака торчали широкие, как сковородки, ладони. Человек набирал воду в большой пятилитровый баллон из-под минералки. Набрав одну банку, человек сразу подставил под струю другую. На секунду он повернулся, и Витька увидел, что, несмотря на общую молоджавость, лицо у мужчины старое-старое. Лицо человека, многое повидавшего на своём веку.

Ребята подошли ближе.

Человек улыбнулся. Витька подумал, что человеку всё-таки, наверное, лет семьдесят, не меньше.

– Эй, дед, – позвал Жмуркин довольно грубо, – а где тут можно меди нарыть?

– Чего? – продолжал улыбаться дед.

– Меди, – Жмуркин перешёл на шёпот. – Меди, алюминия, олова, бронза тоже пойдёт... Мы слышали, тут есть никому не нужная ограда. И ещё куча всяких цветметов. Так

где можно добра нарыть?

Человек отодвинул канистры подальше от колонки. Улыбаться он перестал.

– Так вам нужен цветной металл? – спросил он.

– Ага. Вы не знаете где?

– Так, значит, вы охотники за металлом? – продолжал допытываться человек.

– Типа того, – ответил Жмуркин. – Жизнь такая, приходится вертеться, туда-сюда...

Совершенно неожиданно человек сделал быстрое движение рукой и схватил Жмуркина за ухо.

– Дедуля, – оторопел Жмуркин. – Ты чего?

– Ах ты маленький негодяй! – дед сворачивал жмуркинское ухо всё сильнее, будто собирался его выкрутить с корнем. – Значит, это ты и твои дружки сюда повадились?!

– Дедушка! – крикнул Витька. – Вы что делаете?

Старик подцепил рукой банку с водой и швырнул её в Витьку. Банка была тяжёлая, придавила Витьку к земле.

– А ну перестаньте! – Генка попытался схватить старика за руку, но тот ловко стукнул Генку согнутым пальцем в лоб, отчего Генка пребольно прикусил щёку.

– Да что такое! – Жмуркин пытался повернуться вокруг собственной оси, но старикан его не отпускал.

– Я вас сейчас всех в милицию отведу! – приговаривал дед, выкручивая жмуркинское ухо уже в другую сторону. – Сначала уши надеру, затем выпорю, потом в милицию сдам!

И с вашими родителями хорошенько поговорю! Вы у меня будете знать!

Витька отбросил в сторону бутылку с водой. Жмуркин вылез. Генка подхватил с земли гнилую палку и уже собрался было треснуть воинственного старика по ноге, как вдруг Витька громко закричал:

– Саранча!!!

Человек вздрогнул и отпустил Жмуркина.

– Бежим! – крикнул тот и первым рванул по улице Победителей.

Дед не стал за ними гнаться, просто грозил вслед кулаком.

Отбежав метров на триста, ребята перешли на шаг, а потом и вовсе остановились.

– Отличный сегодня денёк! – жизнерадостно сказал Генка.

– Просто замечательный, – согласился Витька.

– И чем же он замечателен? – Жмуркин был раздосадован – ухо распухло и заметно увеличилось в размерах. – Сорок лет назад человек высадился на Луне?!

– Да нет, – Генка снял рюкзак и всучил его Жмуркину. – Просто мы отделались минимальными потерями – одно оторванное ухо! А всё могло бы быть гораздо хуже! Нас могли поколотить местные жители! Нас мог запереть в подвале маньяк! Другие расхитители металлов могли нас закатать в бочку с цементом! В конце концов, этот дед мог сдать нас в милицию! А так всего лишь одно выкрученное ухо. Кстати,

Витька, ты заметил, что нашему Жмуркину не везёт с ушами? С его ушами всё время происходят душераздирающие вещи...

– Болван, – сказал Жмуркин. – У меня в одном ухе мозгов больше, чем у тебя во всей голове!

– Жмуркин, теперь тебе как настоящему художнику надо это ухо отрезать, – посоветовал Витька. – Будешь как Ван Гог¹.

– Идите вы!

Генка посерьёзnel.

– Мне кажется, что это ты должен идти, – сказал он. – Должен идти и угостить нас вишнёвым коктейлем. Соглашаешься?

– Ладно уж. Соглашаюсь. Чёрт с вами...

Витька глядел на улицу из окна кафе и пил горячий, очень горячий шоколад. Генка снова листал журнал с мотоциклами. Жмуркин одной рукой гонял по столу выпущенного из заточения жука, другой рукой возил по полировке стакан с вишнёвым коктейлем. К столику подошла официантка и сказала:

– Молодой человек, к нам с домашними животными нельзя!

И указала на жука.

– А где вы здесь видите домашнее животное? – огрызнулся Жмуркин.

---

¹ Голландский живописец Винсент Ван Гог отрезал себе ухо.

– Вот это. – Официантка ткнула жука ручкой.

– Это не животное.

– А что же это тогда?

– Насекомое. А насекомое – это насекомое! Если бы у вас висело объявление «Не входить с домашними животными и домашними насекомыми», тогда да. А если такой таблички нет, я могу входить со своим домашним насекомым куда угодно!

– Всё-таки уберите жука, – настаивала официантка.

Жмуркин пристукнул по столику кулаком, но жука в корбок спрятал.

– Я на вас в суд подам! – сказал он. – На ваше кафе и на вас персонально. Вы придираетесь ко мне без повода, нарушая тем самым мои гражданские права! И гражданские права моего питомца!

Официантка плюнула и ушла.

– Вот, – Жмуркин болтал в вишнёвом коктейле лёд. – Нам говорят, не заходите в кафе с животными. Нам говорят, идите помогите ветеранам! Ну да, мы идём помогать ветеранам, а какой-то престарелый кунгфуист раскидывает нас как котят. Этот мир прогнил насквозь...

– Мы шли расхищать цветметаллы, – напомнил Витька. – Так нам и надо. И, если уж говорить серьёзно, насекомые – это тоже животные. Животные просто более широкое понятие...

– Да плевать. С их стороны хамство запрещать мне ходить

с майским жуком.

– Да хватит вам лаяться, – сказал Генка. – Пойдёмте лучше к ветерану.

– Я сам ветеран, – произнёс Жмуркин.

– Чего же ты ветеран? – спросил Витька.

– Я ветеран войны с дураками, – Жмуркин выбрался из-за стола. – Только в этой войне мы не победили, а проиграли. Ладно, бандерлоги, идёмте к ветерану. Осчастливим его.

– Где он живёт-то?

– Возле рынка.

– Может, арбуз купим? – предложил Жмуркин. – Он очень очищает.

– Чтобы очистить печень, надо пить собственную мочу, – сказал Витька. – Да и арбузов сейчас нет, рано ещё.

– Сам пей собственную мочу. – Жмуркин двинулся к выходу.

Но на рынок они всё-таки зашли. Витька купил семечек у старушки, Генка купил универсальный припой, Жмуркин купил сахарную кость для Снежка. После чего ребята отыскали нужную пятиэтажку, поднялись на нужный этаж и позвонили в нужную дверь.

– Сейчас он на нас собак спустит, – предположил Жмуркин. – Знаю я этих ветеранов, у каждого бультерьер в кармане. Когда я еду в троллейбусе, они быются там, как настоящие гладиаторы...

Но, судя по тишине, за дверью никого не было.

– Пойдём, – развернулся Жмуркин. – Он уехал в Новокузнецк к внукам...

Упрямый Витька нажал на кнопку ещё раз. В глубине квартиры послышалось железное звяканье, потом голос сказал:

– Заходите.

Витька толкнул дверь, она оказалась незакрытой.

– Заходите, заходите, – повторил голос.

Ребята несмело вошли. Прихожая была оклеена газетами, пахло клейстером, скипидаром, краской.

– Ну, всё, – Жмуркин скорбно постучал по стене. – Будем вкалывать...

– Не ной, Жмуркин, – сказал Витька. – Поработаем немножко. Перед экзаменами нечего классуху злить. К тому же труд – благодарное дело...

– Направо, – сказал голос. – Проходите...

– Вам этот голос ничего не напоминает? – спросил Генка.

– Он напоминает мне лишь о моей невесёлой участи. – Жмуркин наткнулся на ведро с кистями и опрокинул его.

Они повернули направо и вошли в комнату. В центре стоял человек в панаме из газеты. Человек возил валиком с краской по потолку и грыз сливочную соломку.

– Мне насчёт вас звонили, – сказал человек и повернулся. – Из школы.

– Блин! – ругнулся Жмуркин и потрогал себя за распухшее ухо.

– Чёрт... – Генка сделал шаг назад.

– Дела... – Витька почувствовал, что краснеет.

Перед ними стоял человек с улицы Победителей. Тот, что чуть не оторвал Жмуркину ухо.

– Какая приятная встреча! – человек поставил валик в угол. – А ещё говорят, что наш город большой. Не прошло и трёх часов...

– Вы Веселов Алексей Алексеевич? – тихо спросил Жмуркин.

– Так точно. – Человек стащил с рук перчатки. – А вы пионеры?

– Мы не пионеры, – Жмуркин разглядывал комнату. – Мы пришли...

– Знаю, знаю, – Алексей Алексеевич остановил Жмуркина. – Вы пришли в полное моё распоряжение на целых три дня.

– На два, – напомнил Генка.

– На три, – твёрдо сказал Алексей Алексеевич. – Наша цивилизация построена на троичном принципе. Знаете как: «Было у отца три сына, старший умный был детина, средний был и так и сяк...»

– Младший вовсе был дурак, – закончил Жмуркин. – Знаем, знаем. Я среди этих дундуков как раз старший. А самый младший у нас старина...

– Ладно, согласны на три дня, – выступил вперёд Генка. – Что делать будем? Ремонт?

– Ремонт? В каком-то смысле... Вы руками работать умеете?

– По части рук мы мастера! – заявил Жмуркин. – Особенно наш младшенький. Что поделать, когда раздавали ум, он забыл встать в очередь...

– Жмуркин, заткнись! – Генка пнул Жмуркина.

– Я вижу, – человек вытер руки о фартук, – я вижу, вы дружная команда. Это мне нравится. Приходите завтра в одиннадцать, пойдём на улицу Победителей...

Глава 3

Стоявшим насмерть

– Вы не думайте, – говорил Жмуркин, пока они пробирались через опилки, – мы не расхищаем бронзу. Просто я ехал в автобусе, а два чувака говорили, что на улице Победителей можно легко найти металлолом. Ну вот мы и решили, что лишние деньги не повредят. А вообще-то мы обычные ребята, как все. Я кинорежиссёр, Генка вечный двигатель изобретает, а Витька поэт...

– Я не изобретаю вечный двигатель, – поправил Генка.

– А я не поэт, – добавил Витька. – Я нормальный...

– Все так говорят, – вставил Жмуркин любимую фразу Витьки и Генки.

– Молодцы, – Алексей Алексеевич закинул на плечо лопату. – Весёлые. Это хорошо...

– Долго ещё идти? – спросил Генка.

– Нет.

– А что там, в конце улицы? – спросил Витька.

– Скоро увидите, – ответил Алексей Алексеевич.

Улица Победителей повернула вправо и пошла под уклон.

– А почему всё-таки Победителей? – поинтересовался Жмуркин. – Это из-за Олимпийских игр?

Алексей Алексеевич остановился.

– Вон видите домик? – Алексей Алексеевич указал лопа-
той. – Я там раньше жил. Из этого домика я ушёл на войну.
А рядом дом, там жил Скворцов Мишка, он тоже ушёл. И
Одинцов тоже... Тогда эта улица называлась Коряжной, она
была самой длинной в городе... Пойдёмте, а я буду по пути
рассказывать.

Алексей Алексеевич ступил на тротуар, ребята за ним.

– Так вот, – рассказывал Алексей Алексеевич, – центр го-
рода был тогда почти здесь, потому что недалеко стоял дере-
вообрабатывающий завод. Улица Коряжная была самой гу-
стонаселённой, с неё ушло шестьдесят пять человек, а вер-
нулось всего четыре. С войны вернулось, я имею в виду. И в
пятьдесят четвёртом году улицу переименовали в улицу По-
бедителей. В том же году в конце улицы, там площадь такая
небольшая, поставили... Ну, вы сами увидите. Сейчас.

Улица Победителей сделала очередной поворот.

– Вот, – указал Алексей Алексеевич. – Это то, что нам
нужно.

– Это... – Жмуркин сделал руками неопределённый
жест. – Это...

– Это «Т-34», – выдохнул Генка. – Я и не знал, что в на-
шем городе такие есть...

На площади стоял танк. Витька не знал, что это за танк,
наверное, на самом деле «Т-34», если Генка так сказал. Ген-
ка в технике разбирался. Танк был старым и дряхлым, зелё-
ная краска выцвела в желтоватую и во многих местах отста-

ла, обнажив рыжую сталь, на броне – дурацкие надписи, кое-где замалёванные розовой краской, гусеницы провисли, из пушки торчала битая бутылка с привязанной верёвкой.

Постамент, большой белый камень, украшали бронзовые таблички. Вернее, когда-то украшали. Теперь эти таблички были оторваны. Некоторые не удалось оторвать целиком, и их выкорчевали частично, отчего постамент расцвел толстыми золотистыми лепестками. Одну большую табличку, даже, пожалуй, плиту, укреплённую спереди, прямо под башенным орудием, оторвать не удалось. Остались следы от ломика.

– «Героям, стоявшим насмерть», – прочитал издали Жмуркин. – Такое впечатление, что они прямо здесь насмерть стояли...

Небольшая ограда вокруг постамента была разворочена, будто кто-то действительно бомбил танк сверху.

Вблизи танк оказался на удивление маленьким, каким-то даже игрушечным. В кинохронике танки выглядели куда как больше. Во всяком случае, Витька представлял их гораздо более внушительными машинами.

– А сколько в него людей влезает? – спросил Витька.

– Пять, – ответил Генка. – Иногда, в зависимости от модификации, четыре.

– Пять человек в такой коробке? – удивился Витька. – Как они там умещались?

– Ты, Витька, всё-таки тёмный человек, – хмыкнул Жмур-

кин. – Ты что, не знаешь, что раньше народ был гораздо меньше в размерах? Кто-то из вас об этом, кажется, уже рассказывал...

Витька непонимающе посмотрел на Генку, Генка кивнул.

– Если верить статистике, только за последние сто лет рост среднего человека увеличился на пятнадцать сантиметров, – пояснил Генка. – Соответственно и ширина плеч, и так далее. Современные танкисты в него даже втроём не влезут.

– Акселерация², – пояснил Жмуркин. – Вот сейчас даже ты со всем своим чахлым телосложением не смог бы натянуть на себя рыцарские доспехи пятнадцатого века. Это всё от хорошего питания...

– А всё-таки, откуда здесь танк? – спросил Витька.

– Во время войны их чинили на ремонтном заводе, – Алексей Алексеевич похлопал танк по гусенице. – Этот привезли в мае сорок пятого, чуть ли не из Польши. Он наткнулся на «Пантеру»³, с той стороны видно.

Ребята зашли с другой стороны танка и оценили полузава-ренную дыру в башне. Дыра была внушительная, в неё можно было легко просунуть голову.

– Броневой, – сказал Алексей Алексеевич. – Экипаж погиб. Танк притащили сюда, чтобы починить, а тут и война кончилась. Машину отремонтировали и хотели в армию отправить, но началось перевооружение. И танк оставили в

---

² Акселерация – процесс увеличения веса и роста людей за последние сто лет.

³ «Пантера» – немецкий танк времён Второй мировой войны.

нашем городе. Потом люди стали возвращаться с фронта, я вернулся тоже. И мы решили поставить памятник в честь всех, кто не вернулся на нашу улицу. Привезли из карьера этот камень и врыли его в землю. В кузнечном цехе сделали ограду, установили. Всё за свой счёт – тогда у государства свободных денег совсем не было, мы по копейке собирали на этот памятник. На медь, на бронзу, на всё. Отливали таблички с именами по ночам, чтобы никому не мешать. Потом танк устанавливали. Сейчас ничего не осталось...

Алексей Алексеевич замолчал.

– На «Т-34» очень хороший двигатель, – сказал Генка. – Говорят, что он даже после двадцати лет заводился. Что даже под водой...

– Двигатель мы сняли, – перебил Алексей Алексеевич. – Да он весь почти и сгорел, ничего не осталось.

– Жаль, – сказал Генка. – Попробовали бы завести... А вообще, что мы делать-то должны?

Алексей Алексеевич посмотрел в землю:

– Надо тут всё поправить. Скоро ведь праздник.

Витька, Генка и Жмуркин переглянулись.

– Эту розовую гадость счистить, ограду новую поставить, таблички с именами восстановить...

– Да тут работы на неделю, – присвистнул Генка. – За три дня не успеем...

– А потом нам надо на экскурсию с классом ехать, – вставил ленивый Жмуркин. – По Золотому кольцу...

Витька промолчал. Лишний раз врать ему не хотелось, но и перспектива работать на расчистке памятника целую неделю его тоже не радовала.

– Там ещё ёлочки были, – указал Алексей Алексеевич. – Голубые, специально из питомника привезли. Ещё лет пятнадцать назад. Двадцать штук высадили...

– И где они? – спросил Жмуркин.

– Новый год – весёлый праздник... – грустно сказал Алексей Алексеевич.

– Вырубили, что ли? – Жмуркин посмотрел на Алексея Алексеевича.

Старик промолчал.

– Ясно, – Жмуркин отправился разглядывать танк и постамент. – Всё ясно. Мы, конечно, что сможем, сделаем, но времени мало, сами понимаете, Алексей Алексеевич, учебный процесс, внеклассные задания. Современная молодёжь практически не имеет свободного времени, работа, самосовершенствование...

Неожиданно Жмуркин остановился напротив искорёженных табличек.

– Тут на самом деле не так уж много работы, – сказал Алексей Алексеевич. – И нетяжёлая...

– Это как поглядеть, – Генка оценивающе погладил танковый каток. – А залезть в него можно?

– Можно. Там, правда, люки заварены, но это легко срезать. У меня дома болгарка есть...

– Интересно было бы посмотреть...

– Сначала надо снаружи всё очистить.

– Что там Жмуркин делает? – Витька кивнул в сторону юного кинорежиссёра.

Жмуркин продолжал стоять и пялиться на таблички. Он даже наклонился к латунным пластинам поближе, почти уткнулся носом.

– Эй, Жмуркин, – позвал Генка, – ты чего там делаешь?

Жмуркин не ответил. Генка и Витька переглянулись и подошли.

– Чего тут у тебя? – спросил Генка. – Опять прозрение нахлынуло?

– Нет... – тихо ответил Жмуркин. – Не озарение... Тут... Смотрите...

Жмуркин ткнул пальцем в пластину. На разорванном латунном листе, между Егоровым и Зу, крупными бронзовыми буквами было выложено «Жмурк». После «к» лист латуни был оторван, правую часть похитили охотники за металлом.

– А что это за Зу? – спросил Генка. – Китаец, что ли?

– Это часть фамилии. Видимо, просто Зуев. Как и Жмурк...

– Жмурк... – прочитал Витька. – А остальная часть где?

– Остальную часть оторвали эти придурки! – Жмуркин злобно треснул по бронзе. – Сволочи настоящие! Сволочи!

– Что тут? – подошёл Алексей Алексеевич. – Что случилось?

Жмуркин указал пальцем.

– Да, – согласился Алексей Алексеевич. – Плохо. Остались три листа, да и те искалеченные. Теперь бронза дорого стоит, это вряд ли можно будет восстановить...

– Его фамилия Жмуркин, – сказал Генка. – А это...

Генка постучал пальцем по бронзе:

– Это фамилия его... деда, наверное. А вы помните Жмуркина? – спросил Генка у Алексея Алексеевича. – Он жил на этой улице?

– Не знаю, – сказал Алексей Алексеевич. – Улица длинная была, завод рядом. Народ постоянно менялся, может, и был какой Жмуркин. Мы когда танк ставили, из газеты корреспондент приходил, фотографировал. И статью написал. «Память» называется. Там список. Может, и Жмуркин какой был.

Жмуркин побледнел. Таким бледным и серьёзным Жмуркин бывал редко, Витька, во всяком случае, его таким не видел.

– Мать рассказывала, что сначала пришла похоронка, – прошептал Жмуркин. – А потом, чуть ли не через полгода, прислали документы на орден. Но сам орден так и не прислали...

– Такое случалось... – кивнул Алексей Алексеевич. – Время было страшное, путаное...

– Мы поможем восстановить этот танк, – твёрдо сказал Жмуркин. – Поможем.

– Поможем, – подтвердил Генка.

– Угу, – согласился Витька. – Поможем.

Потом они шагали домой. Жмуркин рассказывал:

– Деда направили под Сталинград, они попали в болото.

И из этого болота не вылезли. Там их прямо миномётами и накрыло. Деда даже потом не нашли, так всё было перекурочено. В похоронке написано – «пропал без вести»...

Витька слушал. Как погиб его дед, Витька знал. Наступил на мину где-то в районе Кёнигсберга.

Глава 4

Шевели копытами!

Генка разложил на столе листы с набросками.

«Т-34» с разных сторон. Начерчено умело, с соблюдением всех пропорций и технических деталей. Чертил Генка всегда хорошо.

Витька и Жмуркин подошли поближе.

– Красиво, – сказал Витька. – Мне нравится.

– Что это? – Жмуркин ткнул пальцем в лист.

– «Т-34».

– Я вижу, что не бородавочник. А почему он чёрный?

– Потому что мы покрасим его в чёрный цвет, – сказал Генка.

– Почему в чёрный? – спросил Жмуркин. – Раньше же он был зелёный!

– Нашей задачей не является воссоздание исторической действительности, – заявил Генка. – Наша задача привести памятник в человеческое состояние. А какой он будет, чёрный, или зелёный, или оранжевый – это дело десятое.

– Как это дело десятое! – возмутился Жмуркин. – Танк должен быть зелёным!

– Кто это тебе сказал? – Генка собрал свои рисунки в папку.

– По телику видал.

Генка завязал папку и постучал ею по голове Жмуркина.

– На заводах их иногда даже красить не успевали, – сказал Генка. – Так что они чёрные вполне могут быть. А мы только подчеркнём это. К тому же ты, Жмуркин, как режиссёр должен оценить красоту кадра. Чёрный танк с большими красными звёздами. Белый камень. Золотые плиты с именами. Голубые ели. Красиво...

Жмуркин представил, подумал, согласился.

– Чёрный танк – это объект искусства. А художник – это вам не фотограф, – выдал он, подражая Генке. – Художник не фиксирует реальность, он её преобразует. Значит, Генка, ты прав, танк может быть чёрным.

– Мудро, – сказал Витька. – Но ты это уже когда-то говорил...

– Истина требует повторения, иначе слабые умы не могут её усвоить, – ответил Жмуркин. – Кстати, а что это с нашим мотоциклом случилось? Ты что, его загнать решил?

Жмуркин указал пальцем на «Пчелу». Мотоцикл был закрыт брезентом, под брезентом угадывались очертания, не совсем похожие на мотоцикл.

– Что ты с ним делаешь? – Жмуркин попытался сдёрнуть брезент, но Генка оттолкнул Жмуркина от машины.

– погоди, Жмуркин! Потом увидишь...

– Экие тайны! – Жмуркин отошёл в угол. – Лучше скажите, как мы эту краску с танка сдирать будем? Это не бак

ржавый почистить, тут наждаком не обойдёшься.

– Это верно, – Витька подул на ладони. – Даже твои при-
мочки тут не пригодятся, Генка.

– Есть такая краска, её можно на всё ложить...

– Класть, – поправил Витька.

– Кладут не краску, кладут кирпичи, – вставил Жмуркин.

– Ну, хорошо, – сказал Генка. – Этой краской можно всё
красить...

– Она дорого стоит. Нам не потянуть.

Генка задумчиво вытряхнул из кармана ножик.

– Можно...

– Генка! – Жмуркин протестующе замахал руками. – Да-
вай не будем лазить по помойкам, не будем выскребать из
печек сажу, измельчать покрышки, растирать в пыль уголь
и сгущать мазут! Пойдём в «Сделай сам» и купим готовую
краску. Недорогую. Вот и всё. Все так делают. Просто в два
слоя положим.

Генка с сомнением покачал головой.

– Даже если мы краску и купим, – сказал он, – нам при-
дётся всю старую обдирать вручную.

– У тебя же дрель была, – напомнил Витька. – Со специ-
альной щёткой?

– Сгорела. Папаша спалил. Слишком много халтуры на-
брал – и спалил. Теперь на новую копит. Так что дрели нет.

– А как ещё можно отскрести от краски целый танк? –
спросил Жмуркин.

Генка стал думать. Он лёг на верстак и принялся вырезать ножом на доске своё полное имя. Это было уже двадцать восьмое имя Геннадий, украшающее стену, и это свидетельствовало о том, что думал Генка довольно регулярно.

Он добавил себя к списку ещё пару раз, воткнул нож между досками и сказал:

– Есть одна идея. Правда, я никогда так не работал, но можно попробовать. Если у вас нет других планов, то мы можем идти. Вернее, ехать.

– Вы, значит, на мотоцикле поедете, а я опять пешком пойду?! – возмутился Жмуркин. – Что за тупая несправедливость?

Витька таинственно улыбнулся.

– Мы тебе не говорили, хотели сделать сюрприз, – Генка указал на мотоцикл. – Давай, Витька, покажи ему.

– Ты изобрёл суперчайник? – осведомился Жмуркин. – Или моечную машину для домашних животных? Или, наконец, ты изобрёл работающий вечный двигатель?

Витька сдёрнул брезент.

– Опа! – только и смог сказать Жмуркин.

Работая по вечерам после школы, Витька и Генка прицепили к мотоциклу модернизированную коляску. Теперь на «Пчеле» можно было ездить втроем.

– По чертежам изготовили, – похвалился Генка. – В старых журналах нашёл. «Пчела-убийца М».

– Что значит «М»? – спросил Жмуркин.

– Модернизированная. Можем испытать.

– Она не отвалится? – спросил Жмуркин. – Коляска?

– Можете садиться. А я соберу инструменты.

Жмуркин выкатил мотоцикл за ворота, уселся в коляску и запахнулся резиновым пледом. Затем вытащил из кармана коробок с майским жуком и выпустил насекомое в небо. Генка погрузил в багажник мешок с какими-то гремящими штуками и уселся за руль. Витька закрыл гараж.

Генка надел шлем и завёл двигатель. Затем передал каски Жмуркину и Витьке.

– Надевайте! И поехали! – Генка врубил первую передачу и прибавил газу.

Модернизированная «Пчела-убийца» несколько утратила свои скоростные качества и маневренность, зато втроём перемещаться таким способом оказалось гораздо удобнее. К тому же не надо было тащить в руках сумки с инструментами – всё влезало во вместительный, пристроенный к коляске багажник.

На мотоцикле до улицы Победителей добрались быстро, минут за десять. Затормозил Генка рядом с танком.

– Я не знаю, получится ли, – Генка вытащил из багажника мешок с инструментами. – Но попробовать можно...

Генка развязал горловину и вытряхнул на землю пластиковое ведро, скребок и паяльную лампу.

– Жмуркин, рви за водой, – приказал Генка. – Всё равно от тебя никакой пользы нет...

Жмуркин высказался по поводу отсутствия пользы в мире вообще, потом взял ведро и побежал к ближайшей колонке.

– Ты хочешь сжечь краску? – спросил Витька.

– Угу, – Генка раскочегаривал паяльную лампу. – Или сгорит, или отслоится, или растрескается хотя бы. Легче считать будет.

– А если танк загорится?

– Не загорится, – Генка работал насосом лампы. – Краске уже почти полвека, в ней все горючие вещества давно выветрились. Должны были выветриться... А на случай возгорания на башне будет дежурить Жмуркин с ведром воды. Зальёт.

Лампа разгоралась. Сначала огонь был жёлтым и медленным, но чем энергичнее Генка работал поршнем, тем прозрачнее и длиннее становился язык пламени.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.